

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)''18''

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ XIX В. (ТРАКТОВКА И ВРЕМЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ)

Л. М. Аржакова

Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра истории славянских и балканских стран, г. Санкт-Петербург

В статье рассматривается польский вопрос как общеупотребительное в исторической литературе понятие. Автор обращает внимание на различие интерпретаций понятия «польский вопрос» и в связи с этим уточняет встречающиеся в исторической литературе его трактовки, а также определяет время его появления в России. С точки зрения содержания польский вопрос являл собой тесное переплетение социально-политических и этнокультурных проблем, болезненно преломлявшихся в русско-польских взаимоотношениях, отягощённых наследием исторической памяти. Автор предлагает рассматривать польский вопрос и в мировоззренческой плоскости, где, с оглядкой на опыт взаимного общения на протяжении столетий, своеобразным образом преломлялись общественное мнение и общественные настроения по отношению к полякам. Такое понимание польского вопроса позволяет изучать его в более широком хронологическом диапазоне, включая XVII в.

Ключевые слова: польский вопрос, Россия XIX века, русско-польские отношения, А. Л. Погодин, С. М. Соловьев.

Заявленная в статье тема может показаться несколько неожиданной. Действительно, кто не знает, что такое польский вопрос? Это понятие (или термин) и общеизвестно, и широко употребляемо в историографии на протяжении последних двухсот лет. Но есть ли уверенность в том, что, используя термин, мы трактуем его одинаково?

Кроме того, приходится различать то, как толковали польский вопрос в XIX столетии, и то, какой смысл вкладывают в него историки другой эпохи, анализирующие события столетия предыдущего и события более ранние, касающиеся как самой Польши, так и русско-польских отношений. К тому же со временем приходится уточнять, казалось бы, устоявшиеся трактовки и привычные толкования.

К неопределённости трактовки добавляются трудности определения временных границ данного понятия, во всяком случае времени его возникновения в России. Несмотря на заявленную в названии статьи формулировку, сразу скажем, что, на наш взгляд, есть основания говорить о присутствии такого явления в России, как польский вопрос, ранее XIX в., вне зависимости от того, что устойчивое словосочетание – «польский вопрос», не-

сущее определённую смысловую нагрузку, принадлежит веку девятнадцатому. Приходится тут же отметить, что, говоря об определённой смысловой нагрузке, мы неизбежно сталкиваемся с вариациями толкования этого понятия.

О польском вопросе в контексте истории России, подразумевая внешнеполитические дела как самой империи, так и международные отношения в Европе, писали – как прежде, так, в основном, пишут и теперь, – применительно к рубежу XVIII–XIX вв. К такой датировке польского вопроса склонялся в своё время, например, А. А. Корнилов, автор, по словам А. А. Левандовского, «последней “старорежимной” исторической работы обобщающего характера»¹, подразумевая «Курс истории России XIX века» (1912–1914). Корнилов предпочитал рассматривать польский вопрос в плоскости международных отношений первых полутора десятилетий XIX столетия. Когда он повествовал о царствовании Екатерины II, то уверенно писал о России как о стране, которая, «пользуясь положением могущественной державы, эксплуатируя слабость своих соседей... могла проявлять огромное влияние на международные отношения всего цивилизованного мира»². Обращает на себя внимание уточнение, сделанное историком, – «эксплуатируя слабость своих соседей». Каких соседей имел в виду Корнилов? Историк, подход которого к научной работе, по наблюдениям А. А. Левандовского, заключался в том, «чтобы свести воедино наработанные другими историками, максимально использовать накопленный ими материал, сравнить между собой их суждения, в случае неясности или неточности обращаясь непосредственно к источникам»³, одной этой фразой невольно расставил все точки над *i*.

Разве не означает этот оборот – «эксплуатируя слабость своих соседей», что на вопрос, какая из стран-соседей Речи Посполитой играла ведущую роль в ходе её разделов, следует ответ: Россия? Не исключено, что такой вариант ответа сложился у А. А. Корнилова невольно, в силу великолепного знания литературы и источников. Но именно такой ответ, как представляется, очевиден, вне зависимости от того, что, по мнению Левандовского, Корнилов «не любил делать смелые выводы и далеко идущие обобщения»⁴.

Вместе с тем вплоть до настоящего времени ответ на данный вопрос для историков остаётся не столь однозначным. Так, признавая тезис о коллективной ответственности стран-участниц разделов Польши «в уничто-

---

¹ Левандовский А. А. Корнилов А. Курс истории России XIX века // Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 3. (первое издание: М., 1912–1914 гг.).

Levandovskii A. A. Kornilov A. Kurs istorii Rossii XIX veka // Kornilov A. A. Kurs istorii Rossii XIX veka. M., 1993. S. 3.

² Корнилов А. А. Указ. соч. С. 24.

Kornilov A. A. Op. cit. S. 24.

³ Левандовский А. А. Указ. соч. С. 8.

Levandovskii A. A. Op. cit. S. 8.

⁴ Левандовский А. А. Указ. соч. С. 8.

Levandovskii A. A. Op. cit. S. 8.

жени Речи Посполитой», П. В. Стегний, автор капитальной монографии об эпохе польских разделов, тем не менее (подобно своим предшественникам и некоторым современным историкам⁵), настаивает, что только обстоятельства вынудили Екатерину II дать согласие на раздел Польши 1772 г.⁶

С одной стороны, для П. В. Стегния неприемлем «стереотип о лидирующей роли России в разделах Речи Посполитой»⁷, с другой – он не допускает и мысли о том, что Российская империя покорно шла в фарватере прусской или австрийской политики. Он так и писал: Екатерина «уверенно „дирижировала” действиями своих союзников, видевших в ней как арбитра в их беспрестанных и предельно циничных препирательствах относительно размеров своих „долей”, так и гаранта необратимости всего процесса»⁸. Едва ли нужно пояснять, что, считая поведение «оркестрантов» циничным, в действиях самого «дирижера» автор, похоже, ничего циничного не усматривал⁹.

И если, как читаем у М. А. Петровой (воспринявшей идею Е. В. Тарле): «В этом смысле императрица была не лучше и не хуже своих современников (как её иногда пытаются представить) – Фридриха II или Иосифа II, проводивших аналогичный внешнеполитический курс»¹⁰, то возникает вопрос, отчего, в таком случае, прямо не признать лидерство российской императрицы? Данный сюжет, по крайней мере, подталкивает к размышлениям по поводу того, есть ли основания говорить о польском вопросе применительно ко времени раньше XIX в.? Такие основания, похоже, есть.

То, как продемонстрирована А. А. Корниловым в «Курсе истории России XIX века» преемственность политики русского двора, точнее, политики Александра I, в отношении поляков, также свидетельствует в пользу датировки польского вопроса ранее XIX столетия. Фактически опровергая достаточно распространенное мнение об Александре I как весьма благодушно настроенном по отношению к полякам русском императоре,

---

⁵ См., напр.: Соловьев С. М. История падения Польши. М., 1863; Санин Г. А. Разделы Речи Посполитой // История внешней политики России. М., 1998. Т. XVIII (от Северной войны до войн России против Наполеона).

Sm.: Solov'ev S. M. Istoriya padeniya Pol'shi. M., 1863; Sanin G. A. Razdely Rechi Pospolitoi // Istoriya vneshnei politiki Rossii. M., 1998. T. XVIII (ot Severnoi voiny do voin Rossii protiv Napoleona).

⁶ Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 53.

Stegnij P. V. Razdely Pol'shi i diplomatiya Ekateriny II. 1772. 1793. 1795. M., 2002. S. 53.

⁷ Стегний П. В. Указ. соч. С. 413.

Stegnij P. V. Op. cit. S. 413.

⁸ Там же. С. 53.

Ibid. S. 53.

⁹ Arżakowa L. Rozbiory Polski. Рец. на кн.: Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002 // Arkana: Kultura – Historia – Polityka. Kraków. 2005. Nr. 4 (64)–5 (65). S. 132–135.

¹⁰ Петрова М. А. Екатерина II и Иосиф II. Формирование российско-австрийского союза. 1780–1790. М., 2011. С. 33.

Petrova M. A. Ekaterina II i Iosif II. Formirovanie rossiisko-avstriiskogo soyuza. 1780–1790. M., 2011. S. 33.

А. А. Корнилов, в частности, пишет, что «Александр воспользовался, однако очень своеобразно, надеждами польских патриотов. Он всячески их поощрял, хотя и не связывал себя определёнными обещаниями, главным образом, как можно теперь думать, для того, чтобы угрозой польского восстания в областях прусской Польши заставить колебавшегося прусского короля примкнуть к коалиции против Наполеона и заключить союз с Россией». Но почти тут же Корнилов был вынужден признать, что «как только ему [Александру] удалось заставить Фридриха Вильгельма заключить с ним конвенцию (которая потом не была даже выполнена), он отказался от всякого поощрения разгоревшихся надежд поляков и отложил решение польского вопроса на неопределённое время»¹¹. При изложении дальнейших событий историку оставалось лишь констатировать: «На Венском конгрессе... одним из самых трудных вопросов явился польский»¹².

Однако вскоре в книге «Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века» (1915) Корнилов представил общеизвестные факты несколько в ином свете. Заявив, что «вступивший на престол Александр I, хоть и обещал в манифесте... следовать по стопам великой бабки своей, выказал себя в польском деле таким же противником екатерининской политики, как и его отец»¹³, он всё же решил не акцентировать политическую игру Александра I с поляками. Теперь он выражался гораздо деликатнее. Читатель видел перед собой императора, который вместе с престолом получил «практическую возможность исправить допущенную несправедливость и пойти навстречу мечтаниям и надеждам польских патриотов»¹⁴.

Возможно, смягчение интерпретации событий достаточно отдалённого времени было продиктовано уже современными обстоятельствами: в 1915 г. А. А. Корнилову, не исключено, показалось излишним напоминать полякам, что русская сторона способна пренебречь интересами польскими в угоду интересам собственным.

Применительно к «длинному» XIX в. польский вопрос, в основном, трактуют в контексте внутривосточных дел Российской империи, и речь при этом идёт о взаимоотношениях между Королевством Польским (затем – Привислинским краем) как одним из субъектов империи, пусть ставшим таковым поневоле, и собственно империей. Обострение польского вопроса как одного из внутренних вопросов России всегда было связано, разумеется, с польскими восстаниями 1830 г. и 1863 г., причём, каждое из восстаний имеет в русском обществе свои ассоциации. Первое из них, ноябрьское, ас-

---

¹¹ Корнилов А. А. Указ. соч. С. 78.

Kornilov A. A. Op. cit. S. 78

¹² Там же. С. 97.

Ibid. S. 97.

¹³ Корнилов А. А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг., 1915. С. 15.

Kornilov A. A. Russkaya politika v Pol'she so vremeni razdelov do nachala XX veka. Pg., 1915. S. 15.

¹⁴ Корнилов А. А. Указ. соч. С. 15.

Kornilov A. A. Op. cit. S. 15.

социруется со стихотворным выступлением А. С. Пушкина¹⁵. Реакция русского общества на второе (январское) во многом ассоциируется с «Заметкой по польскому вопросу» Н. Н. Страхова, окрестившего тогда польский вопрос – вопросом «роковым»¹⁶.

В обоих случаях польский вопрос, приобретая обострённое звучание, вызывал в русском обществе менее всего разночтений в смысле трактовки. В условиях обострения русско-польских отношений он выступал одновременно как дестабилизирующий фактор внутренней жизни Российской империи (эту самую жизнь возмущавший, так сказать, изнутри) и как дестабилизирующий фактор международных отношений Российской империи. Действительно, страны Западной Европы вынуждены были как-то реагировать на обострение польского вопроса в России. Как писал А. Л. Погодин, «... теперь было важно, чтобы просто совесть Европы не успокоилась после завершения кровавого дела Третьего раздела, чтобы поляки громко и бурно заявили, что они существуют и хотят существовать, чтобы, наконец, деятели “великой политики”, императоры и короли, знали, что так или иначе с польским вопросом им придется считаться»¹⁷.

Однако всё это – разделы Польши, Венский конгресс, образование Королевства Польского, восстания 1830 и 1863 гг. – лишь событийная канва. Необходимо добавить, что сфера бытования польского вопроса была и шире, и глубже, включая сюда комплекс стереотипов в отношении Польши и поляков, который к началу XIX столетия становится в России достаточно устойчивым. Не будет преувеличением сказать, что самую заметную роль в укреплении и распространении этого комплекса, на который с доверием и пониманием отзывалось русское общество на протяжении всего XIX в., сыграл Н. М. Карамзин, его знаменитая «История государства Российского» и злободневная публицистика.

С одной стороны, нельзя не согласиться с утверждением Л. Е. Горизонтова, что «дать исчерпывающую и в то же время достаточно компактную дефиницию “польского вопроса” весьма затруднительно»¹⁸. Но, с другой стороны, разве затруднительность формулирования этой «достаточно компактной дефиниции» исключает попытки конструирования подобных дефиниций? Подобные попытки, что обращает на себя внимание, предпринимались уже давно.

---

¹⁵ Погодин А. Л. Адам Мицкевич. Жизнь и творчество. М., 1912. Т. 2. С. 3.

Pogodin A. L. Adam Mitskevich. Zhizn' i tvorchestvo. M., 1912. T. 2. S. 3.

¹⁶ Страхов Н. Н. Роковой вопрос (Заметка по поводу польского вопроса) // Время. 1863. № 4.

Strakhov N. N. Rokovoi vopros (Zametka po povodu pol'skogo voprosa) // Vremya. 1863. № 4.

¹⁷ Погодин А. Л. История польского народа в XIX веке. С. 10.

Pogodin A. L. Istoriya pol'skogo naroda v XIX veke. S. 10.

¹⁸ Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999. С. 8.

Gorizontov L. E. Paradoksy imperskoi politiki: polyaki v Rossii i russkie v Pol'she. M., 1999. S. 8, 7.

Попытку дать такое определение предпринял С. М. Соловьёв, провозгласивший: «... польский вопрос родился вместе с Россией»¹⁹. Из этого лаконичного заявления следует, что Соловьёв, судя по всему, под польским вопросом понимал едва ли не весь комплекс русско-польских отношений на протяжении всего длительного существования по соседству России и Польши. Четко выраженное Соловьёвым мнение по поводу времени возникновения польского вопроса в России, отталкиваясь от которого возможно конструировать и само определение этого понятия не могло сложиться ранее 1860-х гг.

Примечательно, что у С. М. Соловьёва нашлись единомышленники и в польской среде. Примерно такого же понимания сущности польского вопроса придерживался, например, Ст. Тарновский – один из видных польских историков и литературоведов XIX в.²⁰ Польский вопрос им вплетён в событийную канву XIV–XIX вв., при этом историк усматривал зависимость его обострения и усиления позиции России. Что важно, польский исследователь не видел оснований ограничивать польский вопрос рамками только XIX в.

Преимущество такой трактовки демонстрирует и современный польский историк К. Блаховская. Вторя Соловьёву, она пишет, что «участие России в разделах стало последним аккордом в многовековой, ожесточенной борьбе двух соседних государств»²¹. Блаховская не скрывает, что ориентируется на Соловьёва, но трактует слова русского историка достаточно вольно. Если у С. М. Соловьёва читаем: «Во второй половине XVIII века, волею-неволею, России надобно было свести старые счета с Польшею»²², то из того, что сказано Блаховской, будто бы, следует, что Польша и в эпоху разделов была способна представлять для России серьёзную, буквально – «смертельную», опасность. И значит, надо понимать так, что даже накануне гибели Речь Посполитая была не столь слаба, как это настойчиво провозглашалось в российской историографии и публицистике XIX в. Как видно, Соловьёв и Блаховская сходятся в констатации самого факта многовековой борьбы, но совершенно по-разному оценивают силы своих стран.

Уверенное заявление Блаховской базируется, помимо прочего, на солидной историографической традиции. Но, на наш взгляд, особый интерес представляет то, что подобную оценку внутренней ситуации Речи По-

---

¹⁹ Соловьёв С. М. Европа в конце XVIII в. // Соловьёв С. М. Сочинения: в 18 кн. М., 1998. Кн. 22. С. 200.

Solov'ev S. M. Evropa v kontse XVIII v. // Solov'ev S. M. Sochineniya: v 18 kn. M., 1998. Kn. 22. S. 200.

²⁰ Tarnowski S. Nasze położenie polityczne // Tarnowski S. Z doświadczeń i rozmyślań. Kraków, 2002. S. 28.

²¹ Blachowska K. Narodziny Imperium: Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku. Warszawa, 2001. S. 190.

²² Соловьёв С. М. История падения Польши // Соловьёв С. М. Сочинения: в 18 кн. М., 1995. Кн. 16. С. 409.

Solov'ev S. M. Istoriya padeniya Pol'shi // Solov'ev S. M. Sochineniya: v 18 kn. M., 1995. Kn. 16. S. 409.

сполитой на рубеже 1780 – 1790-х гг. встречаем и в русской историографии начала XX в.

Достаточно трезво и вполне оптимистично с точки зрения возможных (хотя и не открывшихся) перспектив писал о состоянии польских дел в эпоху Четырёхлетнего сейма А. Л. Погодин: «Под страшной угрозой гибели, которая уже стояла призраком перед Польшей, её лучшие сыны, собравшиеся на Великом сейме, боролись за спасение отечества»²³. Погодин пункт за пунктом отмечал все те благотворные приметы обновления, в которых Польша нуждалась, и которые способна была, на его взгляд, обеспечить ей действующая (а не только провозглашенная) Конституция. Поскольку, согласно Конституции, «польское королевство становилось наследственным в одной династии, польский сейм превращался в парламент, где дела должны были решаться большинством голосов; города получали, наконец, право представительства в сейме, и войско переставало быть сбродом “товарищей”, всего менее помышлявших о войне», государство в целом получило бы реальный шанс укрепить свои позиции». Судя по всему, Погодин был абсолютно уверен, что «если бы эти реформы осуществились, то Польша, всё ещё очень обширная, превратилась бы в достаточно сильное государство»²⁴. Обстоятельства, однако, сложились не в пользу поляков, и оставалось только с горечью признать: «... в том-то и дело, что соседи не желали допустить этого усиления Речи Посполитой: если она не досталась целиком одной из них, пусть она будет разделена»²⁵.

Расставляя акценты именно таким образом, А. Л. Погодин шёл вразрез со сложившейся в отечественной историографии традицией, согласно которой гибель Речи Посполитой была, в основном, обусловлена причинами внутренними. Погодин же, придерживаясь того мнения, что Польша была разделена по воле соседей, а не погибла от смертельного недуга как организм нежизнеспособный, отказывался следовать проторенным путем. Понадобилось не одно поколение историков, трудами которых детально была проанализирована внутривосточная и внешнеполитическая ситуация, в которой оказалась Речь Посполитая в XVIII столетии, прежде чем, по словам Б. В. Носова, «был опровергнут тезис о якобы противоестественном состоянии анархии и упадка польско-литовской шляхетской республики, в противовес которому была выдвинута концепция естественного развития Польши и пагубного влияния на него внешних сил»²⁶. Эти слова, сказанные в начале XXI в., – лишний повод оценить глубину познаний, на-

---

²³ Погодин А. Л. История польского народа в XIX веке. С. 3.

Pogodin A. L. Istoriya pol'skogo naroda v XIX veke. S. 3.

²⁴ Там же.

Ibidem.

²⁵ Там же.

Ibidem.

²⁶ Носов Б. В. Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768. М., 2004. С. 8.

Nosov B. V. Ustanovlenie rossiiskogo gosподstva v Rechi Pospolitoi. 1756–1768. M., 2004. S. 8.

учную интуицию и самостоятельность мысли русского историка рубежа XIX–XX вв. Но это также и свидетельство того, что по-прежнему сохраняет свою актуальность изучение истории Речи Посполитой, в том числе на последнем этапе её независимого существования в XVIII в., одним из подтверждений чему могут служить капитальные исследования Б. В. Носова, З. Зелинской, Р. Баттервика²⁷.

Наблюдения над тем, что и как писалось о Польше и поляках в России XIX в., дают основания рассматривать польский вопрос как неотъемлемую часть всего комплекса русско-польских политических, общественных и культурных контактов на протяжении достаточно длительного времени. Однако следует признать: та мысль, что польский вопрос по существу тождественен многовековым русско-польским отношениям и, что существенно, их осмыслению россиянами, а его истоки теряются в глубине столетий, прозвучала до С. М. Соловьева. Чеканную поэтическую форму этой мысли (и, что важно, сразу нашедшую отклик в душах многих обитателей Российской империи) придал А. С. Пушкин. Ответив всем «клеветникам России» в пору Ноябрьского восстания, поэт предложил свою трактовку польского «вопроса, которого не разрешите вы». Подчеркнув внутривосстательский характер польского вопроса, Пушкин напомнил: «Уже давно между собою / Враждуют эти племена; / Не раз клонилась под грозою / То их, то наша сторона»²⁸. Значит, С. М. Соловьёв в своей трактовке, в своём глубоком понимании истории польского вопроса для России пионером не был?

Учитывая, что исследователи, главным образом, датируют польский вопрос временем не раньше разделов Речи Посполитой²⁹, даже с тяготением к XIX в., приходится констатировать, что А. С. Пушкин и С. М. Соловьёв оказываются в меньшинстве. Объяснение тому, что предпочтение, как правило, отдается не варианту Соловьева–Пушкина, самое простое: возникновение польского вопроса в Российской империи прочно увязывается со временем утраты Польшей государственной независимости – сначала частичной, а затем окончательной. В контексте рассуждений по поводу польского вопроса допускались какие-то поправки по времени его возникновения, обусловленные уточнением обстоятельств, когда и как он себя проявил, но, пожалуй, дальше расхождений в хронологических рамках дело всё-таки не шло.

Так, В. И. Герье, обращаясь к эпохе, когда возрастала роль России «в европейских делах с тех пор, как развернулись её силы»³⁰, фиксировал

²⁷ Там же; *Zielińska Z.* Polska w okowach «Systemu Północnego». 1763–1766. Kraków, 2012; *Butterwick R.* Polska rewolucja a Kościół Katolicki. 1788–1792. Kraków, 2012.

²⁸ *Пушкин А. С.* Собр. соч.: в 10 т. М., 1959. Т. 2. С. 339–340.

Pushkin A. S. Sobr. soch.: v 10 t. M., 1959. T. 2. S. 339–340.

²⁹ См., напр.: *Жуковская Т. Н.* Польский вопрос и русское общество в 1815–1825 гг. // Памяти Ю. Д. Марголиса: Письма, документы, научные работы, воспоминания. СПб., 2000. С. 612.

Zhukovskaya T. N. Pol'skii vopros i russkoe obshchestvo v 1815–1825 gg. // Pamyati Yu. D. Margolisa: Pis'ma, dokumenty, nauchnye raboty, vospominaniya. SPb., 2000. S. 612.

³⁰ *Герье В. И.* Борьба за польский престол в 1733 году. СПб., 1862. С. III.

внимание на малейших свидетельствах, имевших отношение к оценке роли России в борьбе, развернувшейся в 1733 г. за польский престол. Например, он приводил слова французского маршала Тиссе, как-то воскликнувшего: «... польская корона в руках русского государя, и “кому он её отдаст, тому она и будет”»³¹. Кстати сказать, журналист и историк М. Ф. де-Пуле также датировал появление польского вопроса в России временами Петра I³². В. И. Герье, в частности, признавал: «Положительно все европейские государства были... заинтересованы в польском вопросе и принимали большее или меньшее участие в его решении»³³, т. е. рассматривал польский вопрос в контексте международных отношений, тем самым предлагая свою датировку: первая треть XVIII в. Впрочем, нельзя исключать, что использование историком этой формулировки по отношению к характеру описываемых им событий, а именно – «польский вопрос», обусловлено всего лишь тем, что термин был уже широко распространен в современной В. И. Герье историографии XIX в.

Даже солидарность с мнением С. М. Соловьева, что «польский вопрос» родился вместе с Россией, не позволяет не учитывать того обстоятельства, что его состояние не оставалось неизменным. Зато всегда неизменной оставалась решимость уразуметь, что этот вопрос представляет собой по сути. Так, профессор Варшавского университета И. П. Филевич, размышляя в своём сочинении 1894 г. об истории «польского вопроса», признавался: «Мы не имеем точных сведений о древнейших взаимоотношениях обоих племен, но нельзя сомневаться, что они были враждебны: при Владимире Святом мы видим грозное столкновение русского и польского мира; слепец Василько собирался “мстить ляхам за землю Русскую“, – древнейшие польские летописи полны хвастливых рассказов о польских победах над Русскими, а русские люди представляли себе беса “в образе ляха“»³⁴. Иначе говоря, и на исходе XIX в. определение времени возникновения польского вопроса в России вызывало трудности. Во многом дублируя давно известные читающей публике сюжеты, И. П. Филевич вместе с тем предлагал заслуживающее внимания осмысление многогранности проявления польского вопроса в России XIX в. Историк прямо заявлял, что польский вопрос «представляет не минутную общественную злобу. До сих пор в нём всегда оказывалось нечто, заставляющее опять и опять к нему возвращаться; а новые пересмотры вопроса всегда открывали в нем какие-нибудь новые стороны. Это черты,

---

Ger'e V. I. Bor'ba za pol'skii prestol v 1733 godu. SPb., 1862. S. III.

³¹ Герье В. И. Указ. соч. С. 7.

Ger'e V. I. Op. cit. S. 7; De-Pule M. Stanislav-Avgust Ponyatovskii v Grodne i Litva v 1794–1797 gg. SPb., 1871. S. 214.

³² Де-Пуле М. Станислав-Август Понятовский в Гродне и Литва в 1794–1797 гг. СПб., 1871. С. 214.

³³ Герье В. И. Указ. соч. С. IV.

Ger'e V. I. Op. cit. S. 4.

³⁴ Филевич И. П. Польша и польский вопрос. М., 1894. С. 2.

Filevich I. P. Pol'sha i pol'skii vopros. M., 1894. S. 2.

свойственные только крупным историческим вопросам»³⁵. Из этого признания следует, по крайней мере, то, что польский вопрос на рубеже столетий оставался вопросом открытым, в том числе для разных толкований.

На склоне лет, вспоминая последние годы правления императора Александра, I П. А. Вяземский утверждал, что в те времена польского вопроса ещё не было. Но, по-видимому, сознавая, что собственное утверждение требуется аргументировать, констатировал, что той поре в принципе не была свойственна вопросительность, столь характерная нынешним временам. Отсутствие, на его взгляд, польского вопроса Вяземский объяснял и тем обстоятельством, что тогда в русском обществе слишком мало знали Польшу для того, чтобы о ней говорить. Правда, оценивая современное состояние представлений о Польше, П. А. Вяземский был вынужден признать: «Теперь журнальные публицисты знают её не лучше, но говорят о ней больше: и это худо»³⁶.

Вяземский усматривал также и иные причины отсутствия в те времена польского вопроса. Размышляя по поводу известного недовольства русского общества, вызванного привилегированным положением Царства Польского, Вяземский настаивал, что источником такого недовольства не была, как он выражался, племенная вражда, на его взгляд, в этом было одно политическое соображение с точки русского государственного воззрения»³⁷.

Наверное, аналогичным образом следует трактовать и слова Пушкина, для которого на первом месте тоже, насколько можно судить, стояло политическое соображение. С другой стороны, конечно, нет никакой уверенности в том, подразумевалась ли наряду с политическим соображением национальная подоплека. Во всяком случае, сама постановка Пушкиным вопроса: «Славянские ль ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет», – вполне может говорить в пользу национальной составляющей политических соображений в целом. К тому же, отсутствие племенной вражды, и наличие, по мысли Вяземского, исключительно политических соображений, совсем не означает решительного, как он настаивал, отсутствия польского вопроса.

Когда уже в начале XX в. по поводу тех давних лет, о которых в своё время вспоминал П. А. Вяземский, выражал своё мнение А. Л. Погодин, он прямо возражал тому, что по этому поводу писал современник событий – П. А. Вяземский. С точки зрения Погодина-историка, русское общество в Александровской России, только в меньшей своей части откликнувшееся на идеи декабристов, было слишком разрозненно, слишком склонно к политическим и идеологическим колебаниям, чтобы всерьёз от-

³⁵ *Филевич И. П.* Польша и польский вопрос. С. 2.

Filevich I. P. Pol'sha i pol'skii vopros. S. 1-2.

³⁶ *Вяземский П. А.* Мицкевич о Пушкине // *Вяземский П. А.* Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 291.

Vyazemskii P. A. Mitskevich o Pushkine // *Vyazemskii P. A.* Estetika i literaturnaya kritika. M., 1984. S. 291.

³⁷ Там же. С. 291–292.

Ibid. S. 291–292.

носиться к так называемому польскому вопросу, которого, по его словам, «будто бы и не было»³⁸.

Обращает на себя внимание, что А. Л. Погодин решительно оспаривал то утверждение Вяземского, что в 1820-е годы русское общество было совершенно индифферентно настроено к полякам. Опираясь, по-видимому, на иные, нежели князь Петр Андреевич в своих воспоминаниях, источники информации, Погодин, напротив, характеризовал отношения между русскими и поляками в Варшаве как взаимно раздраженные, полные недоверия и неприязни друг к другу. Достаточно болезненно откликнувшись на дарование Царству Польскому в 1815 г. Конституционной хартии, речи Александра I при открытии польских сеймов русское общество тем более восприняло как унижение русского национального достоинства³⁹. А. А. Корнилов, кстати, в этом смысле оказывался на стороне своего младшего современника, полагая, что в русском обществе Александровской поры антипольские настроения были отнюдь не редкостью, а в войсках к полякам относились явно враждебно⁴⁰.

Нельзя не признать, что использованный А. Л. Погодиным оборот при рассуждении о польском вопросе, – «которого тогда будто бы и не было» – во многом говорит сам за себя. Историк недвусмысленно давал понять, что он на сей счёт не сомневался, даже был уверен, что вопрос, разумеется, существовал, но, другое дело, что в русском обществе до поры до времени присутствовало стремление «будто бы» от него отгораживаться, вольно или невольно умаляя его значение. Сопоставление даже нескольких суждений – А. С. Пушкина, С. М. Соловьёва, П. А. Вяземского, В. И. Герье, А. А. Корнилова, А. Л. Погодина, (а таких суждений, разумеется, было гораздо больше; отдельно можно было бы остановиться, например, на аргументации А. Н. Пыпина, который считал, что польский вопрос – по крайней мере, «как предмет, о котором могут быть два разных мнения», появился в России не ранее 1880-х гг.⁴¹), лишний раз убеждает в необходимости переосмысления того явления, что привычно именуется «польским вопросом».

«Польский вопрос» как обиходное для русского общества XIX в. понятие фактически включало в себя весь клубок социально-политических и этнокультурных проблем, болезненно преломлявшихся в русско-польских

---

³⁸ Погодин А. Л. Адам Мицкевич. Т. 2. С. 2.

Pogodin A. L. Adam Mitskevich. T. 2. S. 2.

³⁹ Там же. С. 1–2. Об этом см. также: Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002. 217 с. С. 105–106, 110–113.

Ibid. S. 1–2. Ob etom sm. takzhe: Zhukovskaya T. N. Pravitel'stvo i obshchestvo pri Aleksandre I. Petrozavodsk, 2002. 217 s. S. 105–106, 110–113.

⁴⁰ Корнилов А. А. Курс истории России. С. 98.

Kornilov A. A. Kurs istorii Rossii. S. 98.

⁴¹ Пыпин А. Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. Февраль. С. 706, ср. С. 718.

Pupin A. N. Pol'skii vopros v russkoi literature // Vestnik Evropy. 1880. Fevral'. S. 706, sr. S. 718.

взаимоотношениях, отягощённых наследием исторической памяти не одного столетия. Всё это позволяет рассматривать «польский вопрос» не только в контексте имперского периода истории России, но и гораздо шире – в контексте истории России доимперской поры. Больше того, «польский вопрос» есть основания анализировать, в том числе, в мировоззренческой плоскости, где особым образом преломлялись общественное мнение и общественные настроения по отношению к полякам, причем, с оглядкой на опыт взаимного общения на протяжении, отнюдь не только XIX в.

Список литературы:

1. *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999.
2. *Жуковская Т. Н.* Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002.
3. *Жуковская Т. Н.* Польский вопрос и русское общество в 1815–1825 гг. // Памяти Ю. Д. Марголиса: письма, документы, научные работы, воспоминания. СПб., 2000.
4. *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М., 1993.
5. *Корнилов А. А.* Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг., 1915.
6. *Левандовский А. А.* Корнилов А. Курс истории России XIX века // *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 3–16.
7. *Носов Б. В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768. М., 2004.
8. *Петрова М. А.* Екатерина II и Иосиф II. Формирование российско-австрийского союза. 1780–1790. М., 2011.
9. *Погодин А. Л.* Адам Мицкевич. Жизнь и творчество. М., 1912. Т. 2.
10. *Погодин А. Л.* История польского народа в XIX веке. М., 1915.
11. *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. Февраль. С. 703–736.
12. *Санин Г. А.* Разделы Речи Посполитой // История внешней политики России. М., 1998. Т. 18 (от Северной войны до войн России против Наполеона). С. 168–197.
13. *Соловьёв С. М.* Европа в конце XVIII в. // *Соловьёв С. М.* Сочинения: в 18 кн. М., 1998. Кн. 22. С. 198–319.
14. *Соловьёв С. М.* История падения Польши // *Соловьёв С. М.* Сочинения: в 18 кн. М., 1995. Кн. 16. С. 406–628.
15. *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002.
16. *Филевич И. П.* Польша и польский вопрос (Посвящается Николаю Николаевичу Страхову). М., 1894.
17. *Arżakowa L.* Rozbiory Polski. – Рец. на кн.: *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002 // *Arkana: Kultura – Historia – Polityka.* Kraków. 2005. Nr. 4(64)–5(65).

18. *Blachowska K.* Narodziny Imperium: Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku. Warszawa, 2001.

POLISH QUESTION IN RUSSIA OF THE XIX CENTURY (TREATMENT AND TIME OF OCCURRENCE)

Larissa M. Arzhakova

The Saint-Petersburg State University, the Dept of history of Slavic and Balkan countries

The paper considered carefully the Polish question as common in the historical literature of the concept. The author draws attention to the difference of interpretation of the concept "Polish question", and in this context clarifies found in the historical literature of his interpretations, and determines the time it arrives in Russia. In terms of the content of the Polish question is a close intertwining of socio-political and ethno-cultural problems, painful refracted in Russian-Polish relations, burdened with the legacy of historical memory. The author proposes to consider the Polish question in the ideological plane, where, with an eye on the experience of mutual communication for centuries, a unique way refracted public opinion and general-governmental sentiment towards the Poles. This understanding allows us to study the question of the Polish question in a wider chronological range, including in it the XVII century.

Keywords: *Polish question, Russia in the XIX century, Russian-Polish relations, A. L. Pogodin, S. M. Soloviev.*

Об авторе:

АРЖАКОВА Лариса Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории славянских и балканских стран, Санкт-Петербургский государственный университет, (199034, Россия, Санкт-Петербург, Васильевский остров, Менделеевская линия, д. 5), e-mail: larjak@mail.ru

About the author:

ARZHAKOVA Larissa M. – the candidate of historical sciences, the associate professor, the dept of history of Slavic and Balkan countries, the Saint-Petersburg State University, (199034, Russia, St. Petersburg, Vasilevsky Island, Mendelevskaya liniya, d. 5, 607220), e-mail: larjak@mail.ru

References

- Horizontov L. E. *Paradoksy imperskoi politiki: polyaki v Rossii i russkie v Pol'she.* M., 1999.
- Zhukovskaya T. N. *Pravitel'stvo i obshchestvo pri Aleksandre I.* Petrozavodsk, 2002.

- Zhukovskaya T. N. Pol'skii vopros i russkoe obshchestvo v 1815–1825 gg. // Pamyati Yu. D. Margolisa: pis'ma, dokumenty, nauchnye raboty, vospominaniya. SPb., 2000.
- Kornilov A. A. Kurs istorii Rossii XIX veka. M., 1993.
- Kornilov A. A. Russkaya politika v Pol'she so vremeni razdelov do nachala XX veka. Pg., 1915.
- Levandovskii A. A. Kornilov A. Kurs istorii Rossii XIX veka // Kornilov A. A. Kurs istorii Rossii XIX veka. M., 1993. S. 3–16.
- Nosov B. V. Ustanovlenie rossiiskogo gospodstva v Rechi Pospolitoi. 1756–1768. M., 2004.
- Petrova M. A. Ekaterina II i Iosif II. Formirovanie rossiisko-avstriiskogo soyuza. 1780–1790. M., 2011.
- Pogodin A. L. Adam Mitskevich. Zhizn' i tvorchestvo. M., 1912. T. 2.
- Pogodin A. L. Istoriya pol'skogo naroda v XIX veke. M., 1915.
- Pyin A. N. Pol'skii vopros v russkoi literature // Vestnik Evropy. 1880. Fevral'. S. 703–736.
- Sanin G. A. Razdely Rechi Pospolitoi // Istoriya vneshnei politiki Rossii. M., 1998. T. XVIII (ot Severnoi voiny do voyn Rossii protiv Napoleona). S. 168–197.
- Solov'ev S. M. Evropa v kontse XVIII v. // Solov'ev S. M. Sochineniya: v 18 kn. M., 1998. Kn. 22. S. 198–319.
- Solov'ev S. M. Istoriya padeniya Pol'shi // Solov'ev S. M. Sochineniya: v 18 kn. M., 1995. Kn. 16. S. 406–628.
- Stegnii P. V. Razdely Pol'shi i diplomatiya Ekateriny II. 1772. 1793. 1795. M., 2002.
- Filevich I. P. Pol'sha i pol'skii vopros (Posvyashchaetsya Nikolayu Nikolaevichu Strakhovu). M., 1894.

Статья поступила в редакцию 14.01.2014